

ДВЕ СУДЬБЫ

Счастье

НА ОСКОЛКАХ
НАДЕЖДЫ

18+

АННА КОВАЛЕВА

Анна Ковалева

Две Судьбы. Счастье на осколках надежды

<https://litres.ru/74517989>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Мам, я вернулся!

Войдя в дом, я замер, натолкнувшись на взгляд синеглазой незнакомки.

А она побледнела как полотно и начала жадно рассматривать мое лицо.

— Володя? — выдохнула пораженно, а потом сорвалась с места, обняла за шею и начала зацеловывать мои глаза, щеки, губы

— Володенька, Вова, милый мой, родной Господи, ты живой, живой

Ошарашенный мозг завис, пытаюсь понять, что происходит и почему меня целует незнакомая девушка.

Но выяснить я ничего не успел. Потому что она внезапно обмякла, потеряв сознание, и упала прямо мне в руки.

Два человека, два бойца, два имени. И одна ошибка, которая навсегда изменила людские судьбы.

От автора: **ОСТРО! ЭМОЦИОНАЛЬНО! БОЛЬНО!**

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Анна Ковалева

Две Судьбы. Счастье на осколках надежды

Глава 1

**Анастасия Ларионцева. 31 год
Март.
Санкт-Петербург**

**Обещает быть весна долгой
Ждёт отборного зерна пашня
И живу я на земле доброй
За себя и за того парня**

**Я от тяжести такой горблюсь
Но иначе жить нельзя, если
Всё зовёт меня его голос
Всё звучит во мне его песня...**

**А степная трава пахнет горечью
Молодые ветра зелены
Просьбаемся мы, и грохочет над полночью**

То ли гроза, то ли эхо прошедшей войны

Роберт Рождественский

— Вы это серьезно сейчас говорите, товарищ генерал? Просто так вышло? Случайная ошибка? — я стиснула челюсти так крепко, что услышала, как скрежещет эмаль от трения зубов друг о друга.

Но мне плевать было на состояние своих зубов.

Мне в данный момент плевать было на всё и всех, кроме мужа, которого я искала последние два с половиной года.

Надежду на встречу с Володей я не теряла до последнего.

Несмотря на электронную похоронку из военного комиссариата, полученную в ноябре, на письменные отчеты о его гибели от командира части и роты, где служил Вова, на то, что мне передали все его личные вещи.

Несмотря на всё это, я верила в то, что муж жив. Просто потому, что я не видела его тела. Не опознала лично, не оплакала, не кинула горсть земли на гроб.

А без этого поверить в его смерть я не могла.

Я посылала многочисленные запросы, обивала пороги моргов, брала образцы слюны у сына для теста ДНК, чтобы было с чем сравнить возможные останки.

Но ничего. Нулевой результат из всех этих попыток. Тело Володи не было найдено.

Я допытывалась, пыталась понять, куда могло деться тело,

раз все были так уверены, что Вовка действительно погиб.

В ответ мне говорили ужасные вещи, что там вся группа, ушедшая на разведку, подорвалась на mine. Что тело мужа могло просто превратиться в прах или мелкие фрагменты, которые для отправки грузом двести просто непригодны.

Но для меня эти слова не были приговором. Не зря же говорят, что надежда умирает последней.

Вот и я, не видя тела мужа, надеялась, что он жив. Может, лежит где-то в госпитале с амнезией или в плену.

Раненый, покалеченный, но живой.

Поэтому продолжала жить и искать. И надеяться, что однажды Вовка вернется домой, поцелует меня и подкинёт под потолок сына.

И мы забудем всё пережитое как страшный сон.

Этими надеждами я жила два с лишним года.

Но три месяца назад военный конфликт, наконец, закончился. Все пленные солдаты и офицеры вернулись домой. К своим родным и близким.

А Вова так и не вернулся. Так и остался где-то между мирами. Официально признанный погибшим, но не похороненный, не отпетый и не упокоенный.

Хуже участи и быть не может.

И я не могла это оставить так, и начала снова обивать пороги.

Военный комиссариат, МВД, Следственный Комитет, военная прокуратура. Обращалась всюду, куда только могла.

Но ничего так и не узнала.

Почти совсем отчаявшись, решила попросить помощи у жены нашего нового мэра, так уж получилось, что судьба нас свела несколько лет назад.

Я помогла ее дочери восстановиться после травмы и вернуться в большой спорт, а она сказала, что в случае чего поможет, чем сможет.

И вот настала пора просить о помощи. Я позвонила Инесе Станиславовне и всё рассказала. Она расчувствовалась, даже расплакалась в конце моего рассказа и охотно взялась мне помочь.

После подключения к делу лиц, облеченных властью, машина для поиска раскрутила свои маховики.

Спустя два месяца после того разговора меня пригласили на прием к мэру.

И в его кабинете приехавший из Москвы генерал Мельников, наконец, открыл мне жуткую правду.

Мой муж, Владимир Ларионцев, действительно погиб два с половиной года назад, тело его было сильно изуродовано взрывом и опознать визуально было невозможно.

Только по ДНК.

И вот тут было самое жуткое. Результаты ДНК-теста просто перепутали, потому что кто-то неправильно оформил образцы в базе данных, и тело моего мужа в цинковом гробу отдали на захоронение другой семье.

— Как давно это произошло? Когда похоронили моего

мужа? — спрашиваю почти мертвым голосом. А генерал отводит взгляд в сторону и нехотя признается.

— Груз двести был отправлен в Липецк два года назад, в начале марта.

Я прикрываю глаза и сжимаю ладони в кулаки. Сразу становится больно дышать и начинает болезненно дергаться сердце.

Два года, Господи... Вовка уже два года похоронен, в чужом городе, в чужой могиле, под чужой фамилией.

Все это время он лежал в сырой земле, а я надеялась на чудо и молилась о его возвращении.

Как же это жестоко. И по отношению ко мне, и к той семье, которая похоронила чужого человека как родную кровиночку.

— Настенька, тебе плохо? Вот держи. Там успокаивающие капли, должны помочь.

— Спасибо, — дрожащими руками принимаю бокал из рук Инессы и выпиваю воду почти залпом.

Но это помогает мало. Внутри меня все клокочет, а сердце рвется от боли, обиды, проклятой несправедливости и холодного казенного равнодушия.

Я не вижу в глазах этого высокопоставленного офицера сочувствия и сожаления о сложившейся ситуации. Лишь холодную отстраненность и раздражение.

Да, товарищу генералу явно не нравится сидеть здесь и объясняться перед какой-то вдовой.

Он бы с радостью похоронил эту «ошибку», да не вышло из-за вмешательства мэра Решетникова.

Я отчетливо понимаю, что только чудом узнала правду. Поэтому не могу сдержаться от выпада.

Поднимаю голову, смотрю прямо в глаза генералу Мельникову и выпаливаю, горя праведным негодованием.

— Мой муж не случайная ошибка. Как и тот боец, под чьим именем его закопали. Они оба, как и тысячи других, проливали кровь на благо страны, и вот такое отношение по итогу? Вам, получается, всё равно, где хоронить героев?

— Анастасия Максимовна, — пророкотал Мельников. — Я вашему горю очень сочувствую, но выбирайте выражения, пожалуйста. Мы все уважаем наших бойцов и чтим их память. Но война есть война, как говорится. На ней всякое бывает, в том числе и безумная путаница, и человеческие ошибки. Те месяцы были самыми тяжелыми, морги были переполнены, транспортировали тела, куда была возможность. В ЦОП попадают разными путями, и то далеко не все. Не только бойцам было тяжело, но и врачам, санитарам, медсестрам. И тем, кто выполнял самые скорбные обязанности — по оформлению, опознанию и отправке тел. Да, случился человеческий фактор. По усталости и невнимательности перепутаны имена вашего мужа и другого бойца. За это я готов от лица министерства принести самые искренние извинения. Но всё же это была случайность, а не злой умысел. Вот, сами посмотрите. Мудрено ли было ошибиться, вбивая

данные? Почти идентичные данные, разница всего в две буквы в инициалах.

Генерал вытаскивает из папки лист А4 и протягивает мне. А я тупо пялюсь на две колонки цифр и два действительно очень похожих имени.

Ларионов. В.И. — Ларионов Виктор Игоревич
Ларионцев В.И. — Ларионцев Владимир Иванович

Два человека, два бойца, два имени. Две судьбы, которые так трагически переплелись, что теперь непонятно как распутывать.

Дорогие мои, приглашаю вас в эмоционально непростую историю.

Этот сюжет родился не просто так, он основан на рассказах родных, потерявших своих близких в ходе вооруженных конфликтов.

Он вдохновлен прекрасными книгами Бориса Васильева и Уильяма Сарояна.

Но в целом это история выдуманная, созданная на вдохновении воображением автора.

Любые совпадения с реально жившими или живущими людьми и событиями случайны.

Автор не ставит целью обвинить кого-то в своей истории, война — это война, в ее ходе случается всякое.

И этот роман сам по себе не о войне. Он не привязан к конкретному вооружённому конфликту.

Этот роман ВНЕ ВРЕМЕНИ.

ОН о том, что остается вечным во все времена, будь то война 1812 года, русско-турецкие войны, ВОВ или Афган с Чечней: о неизбывном горе матерей и слезах жен.

О поломанных судьбах, и жизни, которая продолжается вопреки всему. О том, что остаются те, кто живет и хранит память о павших...

Глава 2

Две тысячи лет война
Война без особых причин
Война — дело молодых
Лекарство против морщин

Красная-красная кровь
Через час уже просто земля
Через два — на ней цветы и трава
Через три — она снова жива
И согрета лучами
Звезды по имени Солнце

И мы знаем, что так было всегда
Что судьбою больше любим
Кто живёт по законам другим
И кому умирать молодым

Виктор Цой

Настя

— Да вы с ума сошли! — вот что сказал генерал на мое заявление о том, что я хочу встретиться с родными того бой-

ца, под чьим именем похоронен муж. — Зачем вам это надо? Два года прошло. Семья памятник уже поставила, начала оправляться от горя. А вы хотите приехать и все взбаламутить. Лишить их покоя? Или, может, вы собираетесь выкопать гроб?

— Для начала я хочу с ними просто поговорить. Семья имеет право знать, что похоронила не того человека. Ведь если они похоронили моего мужа, значит, где-то лежит тело их сына, которое нуждается в захоронении. Разве нормально это так оставлять?

— А нормально лезть в чужую семью и травить им душу?

— А как же я, товарищ генерал? У меня тоже есть душа, которая болит. Я два года из-за ошибки тешила себя надеждой, что муж жив. Лелеяла мечты, которым не суждено было исполниться. У меня есть сын, которому надо объяснить, где его отец. А в итоге у нас даже нет места, куда сходить и отнести цветы. И да, куда делось второе тело? Ведь если перепутали имена, то мне должны были выдать тело Ларионова, так? Или...

— Да нет второго тела! И уже не будет. — рявкнул генерал. — В моргах давно пусто. Все останки отправлены семьям. А у кого нет семей, те были захоронены в братских могилах. Тот парень, похоже, был в эпицентре взрыва, так что от него вряд ли что-то осталось. Да, Анастасия, война — жестокая сука. И с развитием военной техники она становится всё беспощаднее и забирает всё больше жизней. Так что свои

хотелки нужно задвинуть на задний план. Не всегда мы можем получить то, что хотим. Возвращайтесь домой, воспитывайте сына и забудьте об этой истории. А если так хочется отнести куда-то цветы, отнесите их к памятнику неизвестному солдату. Кстати, вы, кажется, так и не получили выплаты за гибель мужа? Уже срок истек давно, но я могу похлопотать, и вам всё положенное выплатят. В порядке исключения и ввиду нестандартной ситуации.

— Да не нужны мне ваши деньги! — вскакиваю с места и с гневом смотрю в лицо генерала.

Мое сердце бьется на разрыв, щеки полыхают от обиды и унижения, а этому мужику всё равно.

Он абсолютно хладнокровен. Идеальная машина, в котором то ли война, то ли высокий чин вытравили всё человеческое.

Почему-то вдруг вспомнились строки из романа Бориса Васильева, которым зачитывалась в юности с подачи бабушки и мамы.

«Пахнет всегда только чужая смерть, и запах ее никогда не долетает до высоких кабинетов, где решаются людские судьбы»...

Это точная иллюстрация поведения Мельникова. Он в своем министерстве точно забыл, что такое запах смерти, горе жен и матерей и слезы детей.

Превратился в живой памятник равнодушию и черствости.

Но я зашла уже слишком далеко, чтобы отступить. Поэтому собрала волю в кулак и продолжила гнуть свою линию.

— Если бы Вову признали без вести пропавшим, я бы смирилась и жила так, как вы сказали. Но тело есть, пусть и захоронено в чужой могиле! И я не могу закрыть на это глаза. Просто жить, зная, что где-то есть памятник, к которому я не могу принести цветы. Я хочу знать, где лежит мой муж. И семья второго бойца тоже имеет право знать правду. А дальше мы с ними сами разберемся, что делать.

И нет, я не считала это эгоизмом. Я считала это справедливостью. Никто не заслуживает жить в вечном обмане.

И да, я сама не хотела бы так жить.

Генерал после моих слов взбесился и посмотрел так, будто убить хотел. Но тут мне повезло во второй раз.

Потому что вмешался Решетников, который с товарищем генералом явно был хорошо знаком.

— Влад, давай выйдем поговорим.

Они действительно вышли и не возвращались довольно долго. Больше часа о чем-то разговаривали, пока я сидела, ожидая решения как приговора.

Наконец, генерал вернулся, сел за стол и положил передо мной стопку бумаг.

— Ладно, Анастасия, вы добились своего. Вы получите адрес семьи, которая захоронила тело вашего мужа. Также я предупрежу местный комиссариат, чтобы они оповестили родственников. Сами понимаете, лучше их подготовить. Но

у меня есть условие. Информация о произошедшем не должна выйти за эти стены, вы это понимаете? Никаких жалоб, обращений к журналистам и блогерам. Я вам уже сказал, что на войне всякое бывает. И грязная шумиха Министерству не нужна. Это первое. А второе: разрешения на эксгумацию и перевозку тела не будет выдано в любом случае. О перезахоронении не может быть и речи. Так что всё, чего вы добьетесь — это увидите могилу, подписанную чужим именем. А семья Ларионовых не получит тело сына и брата. Так что хорошенько подумайте, надо ли вам это? Стоит ли такая малость прикладываемых усилий и последствий, которые последуют за вашим решением? Ведь вы затрагиваете интересы и рушите покой чужой семьи.

— Стоит, — ответила без раздумий. — Это того стоит.

Да, пусть я и не смогу перевезти мужа домой, в родной ему Питер, но хоть буду знать, где он лежит. И смогу, наконец, успокоиться.

И, надеюсь, семья Ларионовых меня поймет и простит... У меня просто нет другого выбора. Я не для того мучилась два года, чтобы в итоге закрыть глаза на правду.

— Что ж, — генерал недовольно поджал губы. — Тогда подпишите здесь. Это документ о неразглашении.

Естественно, я подписала. Скандалы мне тоже были не нужны.

— Спасибо вам большое, Инесса. — поблагодарила я гос-

пожу Решетникову, когда мы вышли из здания мэрии. — Если бы не вы, то я бы...

— Не стоит благодарностей, — помотала она головой. — Настя, я обязана вам здоровьем дочери и рада, что смогла помочь. Примите мои искренние соболезнования. Мне очень жаль вашего мужа, и вдвойне жаль, что всё вышло именно так.

— Спасибо, — я кивнула и слегка улыбнулась. — Как поживает ваша Машенька?

— Замечательно, — расплылась Решетникова в улыбку. — В этом году завоевала золотую медаль. В следующем поедет на Олимпийские игры.

— Это здорово, искренне поздравлю. Если нужны будут курсы обычного массажа, записывайтесь. Только не знаю, когда я буду свободна. Мне нужно... Ну, вы понимаете...

— Прекрасно понимаю, — Инесса сжала мое плечо. — И искренне восхищаюсь тем, как вы боретесь за мужа. Искренне желаю удачи. И да, подайте документы на выплаты, срочно. Генерал всё устроит. А деньги лишними не будут. Тем более у вас сын подрастает.

— Обязательно подам. И еще раз спасибо большое. От души...

Этим же вечером, после того как уложила спать Сашку, я рассказала матери обо всем, что узнала.

Она поддерживала меня всё это время, не давала надежде угаснуть, подставляла мне плечо для слез, сидела с внуком, пока я моталась то в Ростов, то в Москву, и теперь за чашкой чая я рассказала ей то, что этим утром узнала сама.

— Боже мой, — мама выслушала меня и не смогла сдержать слез. — Как же так, какая чудовищная ситуация. Хотя в чем-то генерал и прав, война есть война. Всякое может случиться.

— Я понимаю, но не могу оставить всё как есть. Не могу сделать вид, что ничего не знаю, и спокойно жить дальше.

— То есть ты действительно хочешь поехать к семье Ларионовых?

— Да, мам. Хочу.

— Уверена, что это хорошая идея? — осторожно на меня посмотрела. — Всё-таки там тоже погиб чей-то сын, брат, отец...

— И это я понимаю, — вздохнула я. — И за того мужчину мне тоже больно, и его семью мне жаль. Но скажи мне как мать. Ты бы хотела знать, кого именно хоронишь? За чьей могилой ухаживаешь?

— Да, — мама мнетя, но все же отвечает тихо. — Я бы хотела.

— Вот и я думаю, что мама Виктора Ларионова хочет знать правду. Да, правда будет болезненной, но неведение еще хуже. Я буду осторожна, конечно, но не поехать не могу. Думаю, на майских праздниках поехать. Как раз и Радоница

будет. Посидишь с Сашкой, пока меня не будет?

— Конечно, посижу, милая. Конечно, посижу.

Допив чай, мы еще немного смотрим телевизор, а потом расходимся по спальням. Оказавшись в своей комнате, разворачиваю листок бумаги и читаю:

Липецкая область, город Новотроицк, улица Карла Маркса 13.

Там живет семья Ларионовых. Мать погибшего Виктора, Елизавета Михайловна, и его старший брат Марк.

На бумаге это всего лишь буквы, сухие, скупые строчки. Но за ними скрываются чужие жизни, чужие судьбы и чужая боль.

— Простите меня, — шепчу онемевшими губами, мысленно обращаясь к незнакомым мне людям. — Простите за то, что собираюсь сделать. Но иначе и правда не могу.

Глава 3

Марк Ларионов, 35 лет

Май.

— Здорово, Марк. Как дела? Как мать?

— Здорово, Стас, — пожимаю руку другу и, по совместительству, деловому партнеру, и откидываюсь на спинку стула. — Да терпимо. На кладбище были в воскресенье, могилы прибрали перед родительским днем, оградки покрасили.

— Да, — Стас уселся в свое кресло и покачал головой. — До сих пор не верится, что Витьки больше нет. Два года, как похоронили. Черт, так быстро летит время, а в памяти он еще как живой. Будто только вчера собирался уезжать.

— А мне он и снится иногда. — я устало потер лицо и прикрыл глаза. — То живой, улыбающийся и смеющийся приходит. Шутит, говорит, что на свидание с охеренной девчонкой собрался. То снится, что... А, даже рассказывать не хочу... Каждый раз в поту просыпаюсь после этого.

— Господи...

— И непонятно, станет ли когда-нибудь легче. Особенно матери. Она так и не приняла смерть Витьки. До сих пор находится на стадии отрицания, не верит, что это он в могиле

лежит. Надеется, на ошибку.

— Война закончилась, Марк. Будь Витек живым, давно бы домой вернулся. Да и вы с матерью тест ДНК сдавали.

— Вот именно сдавали, результаты подтвердили, что тело принадлежит брату. Но мать и им не верит. Чую, говорит, сердцем, что не Витюша это. Я уже психолога к ней приво-
дил, но толка нет. Стоит на своем, и с каждым днем гаснет. Всё больше на тень становится похожей. В воскресенье после
кладбища пришлось ей успокоительное давать. Сорвалась на
могиле Витьки. Всё спрашивала, где же ты, сынок?

— Слушай, может, тебе ее отправить на отдых? На Черное море куда-нибудь? Чтобы отвлеклась, развеялась. Глядишь на расстоянии и принять смерть сына легче будет.

— Да предлагал я, Стас. И предлагал, и уговаривал, и ставил перед фактом, покупая билеты. Но ехать не хочет. А силой не потащишь же.

— Тяжелый случай. — друг трет подбородок. — Даже не знаю, что посоветовать. Только надеяться, что время поможет.

— Что-то мне в это уже не верится, дружище. Есть раны, которые никогда не заживут.

— Здравствуй, Марк.

— Здравствуй, Петрович. Что стряслось? Опять движок барахлит? — поинтересовался я, услышав голос полковника

Федотова.

Андрей Петрович был давним другом покойного бати. При жизни отца часто у нас дома бывал, да и после его кончины за нашей семьей приглядывал. Помогал чем мог.

Он выбил мне место для срочки в элитной воинской части, он же помог Витьку с контрактом, и он же потом принес нам похоронку.

Ну и периодически пригонял в мой автосервис свою тачку на ремонт. То кузов покрасить, то с движком разобраться, то разбитую фару заменить.

— Нет, Марк. — голос Федотова был предельно серьезным. Совсем как в тот день, когда он принес нам известие о смерти Вити. — Дело не в машине. Нам нужно поговорить, срочно. Разговор не телефонный, приезжай в комиссариат. Сегодня.

Я не понял, что к чему, но решил, что разберемся по ходу дела, и просто кивнул.

— Хорошо. Если к часу подъеду, нормально будет?

— Да, самое то.

В половине первого я собрался, вышел из магазина и поехал в комиссариат, оставив все дела на Стаса.

— Ты только присматривай за Коляном, — предупредил напоследок. — Он что-то туго в дела вникает, смотри, чтобы снова недостачу не устроил.

— Да разберусь уже, езжай давай.

Честно говоря, не представлял, о чем со мной хочет поговорить Федотов. Может, кто копает под меня, намереваясь отжать бизнес.

Связи у полковника большие, мог и узнать что-то.

Но то, что в итоге рассказал Петрович, вышибло землю у меня из-под ног.

— Погоди, Петрович! — я даже потряс головой, думая, что ослышался. — Это что, шутка какая-то?

— Я тебе что, debil малолетний, таким шутить? — рыкнул, ударив кулаком по столу. — Тем более, когда дело сына погибшего друга касается.

— То есть...

— То есть передали вам для захоронения чужое тело. Произошла чудовищная ошибка. Не так заполнили базу данных, в результате перепутались тесты ДНК. Поэтому тест показал родство в 99 процентов.

— Слушай, а это точно не очередная ошибка? — нахмурился я. — Прошло два года, почему именно сейчас всплыло это?

— Вдова того бойца, чье тело вы похоронили, подняла кипиш. Искала тело мужа, дергала связи, хотела убедиться, что ее Владимир действительно мертв. Очень настойчива была, аж до высших кругов дошла. Вот и вскрылось всё.

Несколько минут я сидел молча, чувствуя себя мешком по башке огретым. Такого я никак не ожидал, вот никак.

Полностью положился на экспертизу и документы о смерти, отгоревал, проводил брата в последний путь. А теперь выясняется, что хоронил я непонятно кого.

А мать, получается, не зря так страдает. Я-то считал, что горе затмило ее разум, а, оказывается, она сердцем чувствовала, что хоронит не того.

Да как же так, мать их за ногу? Как такое могло произойти? Хочется встать и разнести кабинет в хлам, но я понимаю, что Петрович тут вообще ни при чем.

Эта чудовищная ошибка — не его вина.

Поэтому выдыхаю, стараюсь взять себя в руки и спрашиваю глухо.

— Как это возможно вообще?

— Да вот так. Множество тел, путаница, усталость персонала. Так бывает, Марк. Никто ничего плохого не хотел, просто так получилось. Ну и очень похожие инициалы. Сам посмотри.

Я хватаю листок и несколько раз перечитываю...

Ларионов. В.И. — Ларионов Виктор Игоревич.

Ларионцев В.И. — Ларионцев Владимир Иванович

— Действительно, похожи, — матерюсь и сжимаю свободную ладонь в кулак. — Так что, получается, мы похоронили этого Владимира Ларионцева?

— Да, Марк. — Федотов покачал головой. — На этот раз

ошибки быть не может. Были заново взяты пробы у сына Ларионцева, сверены с базой. Вам было отправлено тело его отца.

— Пиздец, это просто пиздец, — до боли растираю лицо руками, всё еще не в силах переварить услышанное.

Сажу в полной прострации, не зная, что думать и делать. А потом меня бьет под дых озарением.

— Так, Петрович, погоди. У нас нестыковка. Если бы была обычная путаница, то эта Ларионцева просто похоронила бы Витька как своего мужа. Простой обмен и никто бы ничего не узнал. Но тела она не получила, потому что ее мужа похоронили мы. Тогда где тело Вити? Где, твою дивизию, тело моего брата?

Глава 4

— Где, твою дивизию, тело моего брата?

Федотов не спешит отвечать на мой гневный вопрос. Отворачивается к окну и смотрит на улицу, явно подбирая слова.

— Мне жаль, Марк...

— Петрович, не надо красивых слов. Не тяни мне нервы, они и без того предельно натянуты. Скажи как есть. Где лежит Витя? Куда делось тело?

— Да нет тела, Марк. Нечего было транспортировать. — Федотов прикрыл глаза. — Связался я, с кем мог, по документам все прошерстили, сверили заново. Отряд, где был Витька, в самое пекло попал. В эпицентр взрыва. Сам понимаешь, что это значит...

— Ничего не осталось от ребят, да?

— О том, что осталось, лучше не говорить. Всё, что осталось, лежит в земле на месте того боя... В следующем году обещают поставить общий мемориал. Так что Витина могила теперь там. Его и остальных... Одна на всех...

Всё, что рвалось из горла — маты. Но я их усиленно сдерживал. Из уважения к павшим бойцам.

Но самое паршивое было в том, что я не представлял, как быть дальше. Как рассказать матери такое?

Выдержит ли она еще одно потрясение?

— И что теперь нам делать? — бросил резкий взгляд на Петровича. — С могилой, с телом?

— Мне прямым текстом сказали — могилу не трогать. Перезахоронение никто разрешать не будет. Всё останется как есть. Вдова приедет, поплачет немного да успокоится. Ее поиски закончились.

Ее-то закончились, а вот наши... Нам с матерью даже искать нечего. Только мемориал посещать, расположенный черт знает где.

Сперва внутри разлилась злость на незнакомую мне женщину. Что разворошила это всё... Лишила нас с матерью покоя.

А потом эмоции схлынули, и я поставил себя на ее место. Искал бы я тело брата? Без сомнений. Добивался бы шанса увидеть его могилу, пусть и левую? Да, добивался бы.

Так что не мне осуждать несчастную вдову. Если она так отчаянно рыла носом землю, значит, очень любила своего Владимира. А это дорогого стоит.

Моя бывшая жена даже не искала бы мое тело. Выплаты бы получила и в кусты драпанула, стерва.

А наш покой... А был ли он у нас вообще? У мамы точно нет. Может, правда как раз и поможет ей поправиться.

Отвезу ее потом к мемориалу. Пусть там поплачет, отпустит Витю, наконец.

— А когда вдова этого Ларионцева сюда приедет? — осведомился, когда мозги остыли.

— Вот этого я не знаю. Как сможет, наверное. Но учитывая, что завтра родительский день, то может и сегодня нагреть. Так что я бы поторопился рассказать Лизе о том, что произошло. Ей лучше узнать это от тебя, чем от чужого человека. Я бы и сам поехал, но...

— Ничего, Петрович. Я сам справлюсь. Пожалуй, прямо сейчас поеду и расскажу. Не буду тянуть кота за хвост.

Всю дорогу я думал о том, как минимизировать стресс для матери. Строил диалог в голове, подбирал осторожные выражения.

Получалась какая-то ерунда, и в итоге я плюнул. Не актер ведь, так смысл репетировать речи. Буду говорить как есть и действовать по ситуации.

Обычно я заезжал домой через задние ворота, и этот день не стал исключением. Я заехал, оставил машину возле гаража и направился к заднему крыльцу.

— Мам, я вернулся, — распахнув дверь, вошел на кухню и замер, увидев женщину, сидящую за столом рядом с матерью.

Гостья склонилась над чашкой чая, но при моем появлении подняла голову и почему-то сразу изменилась в лице.

Ее нереальные синие глаза стали размером с чайное блюдце, а с лица схлынули все краски...

— Володя? — вскочив с места, бросилась ко мне и начала

жадно рассматривать.

А потом и вовсе бросилась на шею и начала зацеловывать мое лицо...

— Володенька, Вова, милый мой, родной, как же так... — причитала, целуя мне глаза, щеки, губы...

А я, скажем так, зеленым девственником не был. К вниманию девушек привык, но вынужден был признать, что так на меня еще набрасывались.

Незнакомка коснулась моих губ и так страстно начала целовать, будто дышать без этого не могла. Будто пила родниковую воду и никак не могла напиться.

Ошарашенный мозг завис, пытаюсь понять, что происходит.

Зато тело из ступора вышло почти сразу, руки сами взметнулись вверх, сжимая тонкую талию.

И на поцелуй я ответил машинально, начав ласкать нежные розовые губы, так жадно прильнувшие к моему рту...

И меня моментально вынесло. Кровь ударила в голову, стоило распробовать эту мягкость и ванильную сладость.

Я тут же перехватил инициативу, разомкнув языком коралловые губки и углубив поцелуй до неприличного...

На несколько мгновений я забыл обо всем на свете: о том, кто я, где нахожусь и кого целую.

И даже шокированный взгляд мамы, наблюдающей за этой картиной, не смог отрезвить.

— Володя... Володенька мой... Ты живой... — незнаком-

ка, прервав этот безумный поцелуй, одарила меня поплавающим, неменяемым взглядом.

А потом закатила глаза и потеряла сознание, упав прямо мне в руки....

Глава 5

Марк

— Какого черта? — я подхватил потерявшую сознание девушку на руки и мгновенно очнулся от наваждения.

Сразу осознал, что стою на кухне собственного дома и держу на руках незнакомку, которая с какого-то перепуга набросилась на меня с поцелуями, а потом лишилась чувств.

И на эту сцену круглыми глазами смотрит моя мать.

— Ну что ты стоишь, как истукан? — неожиданно для меня мама засуетилась. — Не видишь, что ли, девушке плохо? Отнеси ее в гостиную, на диван.

Мама побежала впереди меня и убрала лишние подушки, а я осторожно опустил девушку на сиденье.

Она, похоже, была в глубоком обмороке, потому что открывать глаза и не планировала. Даже ресницы не дрожали.

— Боже, бедная девочка, настрадалась как, — заохала мама, а до меня, наконец, дошло.

— Мам, эта девушка...

— Эту девушку, Марик, зовут Настя. И она приехала рассказать мне правду. То, что я чувствовала все эти два года.

Я мысленно застонал, осознав, что опоздал. Не смог подготовить мать к шоковой новости.

— Мам. — начал осторожно, лихорадочно соображая, как

успокоить мать. Но она оборвала меня на полуслове.

— Да не «мамкай» ты. Я же тебе говорила, чувствую, что не Витя там лежит. Не наш Витя! А ты не верил, думал, что я от горя умом тронулась. Я соображаю получше тебя, сразу подмену почуяла. Материнское сердце не обманешь.

— Ну что ты такое говоришь, мам. Я не считал, что ты сошла с ума. Никогда так не думал.

— Да? — грозно сощурилась? — А к мозгоправше зачем меня три месяца подряд таскал?

— Я просто хотел, чтобы она помогла тебе принять смерть Вити.

— Чужой человек помочь в этом деле не может. Тем более такой чёрствый, как эта Валентина. Она тоже не верила моим словам. Сразу видно, что детей нет, поэтому не понимает и не чувствует. А вот Настенька, — мама бросила в сторону Ларионцевой полный теплоты взгляд, — почувствовала. Искала правду, искала мужа и не побоялась прийти с этой правдой к нам.

— Мама...

— Да что ты стоишь и мнешься? Быстро принеси из кухни вату и нашатырь. И стакан воды захвати. Надо девочку в чувства приводить.

— Да сейчас.

Я быстро метнулся в кухню, принес воду и нашатырь, а мама взяла и выпроводила меня из комнаты.

— Побудь пока на кухне. А то Настя очень странно на тебя

среагировала. Так что лучше выйди, чтобы не стрессировать ее лишний раз. Дай мне привести ее в чувства и нормально поговорить. Если что-то понадобится, я позову. Всё, Марик, на выход...

Вот так меня и выпроводили из собственной гостиной. Впрочем, я не злился, понимал, что я там и правда лишний.

Да и самому надо было голову проветрить и понять, что вообще произошло.

Думалось мне лучше всего после ударной дозы кофеина, так что я быстро сварганил себе кружку крепкого черного кофе и вышел вместе с ней на улицу.

После пары глотков и правда мозги прочистились. Так что я уселся на крыльцо и глубоко задумался о том, что мы имеем в данной ситуации.

Понятно было, что Настя — вдова Владимира Ларионцева, и это благодаря ее усилиям всплыла правда об ошибочном опознании тела моего брата.

Понятно было и то, что маме она обо всем успела рассказать.

А вот ее реакция на меня была более чем странной. Судя по тому, что Настя меня звала Володей да еще и целовать бросилась так страстно, она приняла меня за своего мертвого мужа.

И это наводило меня на очень невеселые мысли. Скорее всего, девушка помутилась рассудком от горя.

Что и немудрено, два года искать любимого, на что-то на-

деяться, а потом узнать, что его похоронили под чужим именем. Даже мужик здоровый мог тронуться крышей, что уж о хрупкой женщине говорить.

И мне было ее очень жаль. Настя была невероятно красивой, а еще очень хорошей и, по-видимому, любящей женой.

Нелюбящие жены тел так долго не ищут. Забирают по-смертные выплаты и поминай как звали.

А Настя искала до талого. Что, видимо, и сказалось на ее ментальном здоровье.

И было что-то неправильное и донельзя болезненное в том, что Ларионцева меня зацепила.

Я, конечно, вниманием женским не был обделен никогда, но целовать каждую встречную бы не стал. Это был нонсенс.

Вон, кухня Стаса сколько мне на шею вешалась, но я ее лишь грубо отстранял и просил больше так не делать.

А Миланку из магазина даже уволить пришлось, после того как обнаружил ее в нижнем белье у себя в кабинете.

Ох, как она рыдала тогда, даже на колени пыталась встать, чтобы не терять место, но я был непреклонен. У меня магазин автозапчастей, а не бордель. И сотрудникам, которые этого не понимают, в нем делать нечего.

А Настя, черт побери... От нее меня в момент повело. Она меня поцеловала, и я откликнулся на эти поцелуи. Так откликнулся, что даже про мать забыл.

И мне, вашу мать, понравилось, целовать ее. И более того, хотелось зайти дальше, подхватить на руки, отнести в спаль-

ню и любить целые сутки напролет.

И объяснить такую реакцию своего тела я не мог. У меня были красивые женщины, но ни от одной так сильно не штырило.

Даже от Маринки в наши лучшие годы. Хотя мне тогда казалось, что люблю до безумия.

Черт его знает, чем меня зацепила вдова Ларионцева. Может, на фоне стресса так коротнуло.

А может, всему виной долгое воздержание. После развода с Маринкой у меня не было постоянных отношений, всю душу эта дрянь мне вымотала.

А после смерти брата и вовсе не до баб стало. Тут бы мать поддержать да самому выдюжить.

И вот на пороге дома появилась Настя, и на меня как затмение нашло...

Только если меня коротнуло по-настоящему, то Настя видела во мне другого мужчину. И это осознавать было неприятно.

Уж не знаю, чем я ей Владимира напомнил: ростом, цветом волос, фигурой... Если сознание помутнено, этого вполне достаточно для того, чтобы сработал триггер.

Отсюда и обморок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.